

Жизнь за жизнь

Пережить зиму считалось главным за весь год. Но и лето, бывало, приносило свои неприятности и беды. Вот и в то, предшествующее девятой зиме Зоуло, в существовании жителей пещеры произошли события, повлёкшие немалые перемены. Нет, началось лето как обычно. Засушливое, оно погнало стада животных мигрировать в более северные и влажные местности. Охотники, удаляющиеся на два дня пути, сообщили тогда, что стада маралов и кабарги под охраной шерстистых носорогов приближаются к стоянке наших пещерников. Как всегда, вслед за травоядными шли хищники: тигры и стаи волков и гиен. Начались сборы к летней, кочевой, жизни племени. Надо было взять менее громоздкую посуду, шкуры для юрт, охотничье снаряжение.

В жилище царило всеобщее возбуждение. Со стороны оно могло показаться пчелиным ульем, работягам которого непогода мешает заниматься нужным привычным делом. Ждать, когда пища придёт к пещере, не стали. Все семнадцать охотников, в их числе семь женщин, отправились навстречу приближающемуся стаду.

Солнце подходило к зениту, когда вождь всех остановил. Впереди слышался пока только еле различимый, глухой равномерный шум. Его порождали неспешные касания земли многих сотен или даже тысяч копыт. Казалось, что он доносится отовсюду, даже сзади. Но более тонкий слух Бахро определил, что правее идущих земля гудит дальше. Вождь решил обойти стадо левее. Напомнил соплеменникам, что нельзя преграждать путь идущим гигантам.

— Не надо уподобляться и гиенам или волкам, пытающимся вырвать кого-то на обед, нападая сбоку, — предупредил Бахро.

Высказал он и напоминание о том, что численность этих хищников, держащих больших и малых оленей в постоянном напряжении, надо по возможности сокращать. Даже более того — необходимо в любой момент быть готовыми к их нападению на людей. Молодых охотников напутствовали бывалые:

— Если станет ясно, что от огромной стаи не отбиться, надо уходить под защиту носорогов. Люди обычно не трогают этих гигантов, а волки и гиены докучают им днём и ночью. Эти наглецы надоели настолько, что при их приближении носорог идёт в наступление, отпугивает стаю, какой большой бы она ни оказалась. И всё мелкое в сравнении с носорогом зверьё отступает.

— Тактика понятна. Лучше заходить сзади и выбивать какого-нибудь замешкавшегося оленка, — согласился совсем юный обладатель охотничьего копыя.

Около половины дня ушло на обход стада. Сколько в нём носорогов, посчитать было невозможно. Каждый раз в крупный просвет между группами деревьев попадало до двух десятков шерстистых гигантов. Но это лишь малая часть от общего числа совершающих переход мохнатых реликтовых травоядных. Маралов и других разновидностей оленей, кучками держащихся внутри групп носорогов, и вовсе было несчётное количество. Ещё больше рыскало вокруг зубастых тварей. Они стаями до тридцати особей

неожиданно появлялись то тут, то там и так же непредсказуемо терялись из виду. У денисовцев никогда не было ни нужды, ни желания интересоваться численностью проходящего стада. У них просто не хватило бы пальцев ног и рук всех жителей пещеры, чтобы вести счёт такого порядка. Взять олешка и не обратить на это внимание хищников пока не удавалось. Лёгкими копьями, летящими дальше и быстрее, пригвоздили трёх гиен, обеспечив долгожданный обед другим членам стаи, разрывающим несчастных собратьев в драках между собой.

Выбрав подходящий момент, дружно завалили марала. Охотники вывернули желудок, вырвали печень и насладились парными внутренностями. Лишь потом они выпустили кишки и стали выносить тушу подальше от любителей отбить добычу. Столкнулись с группой из семи волков. Ранив двоих, оставили на растерзание остальным. Уйдя от стада километра на три, отправились к юртам. Ужин и завтрак, почти барские, на всю стоянку были обеспечены. Только через четверо суток стадо прошло пещеру по менее гористой местности, минуя её в часе быстрого хода налегке. В обеденный зной, насытившись к тому времени, почти все животные ложились отдыхать. Лишь несколько носорогов, сменяя друг друга, оставались на страже покоя. За сутки вся ватага продвигалась чуть больше, чем охотник за время от заката до темноты.

Дважды перенеся юрты на новые места, чтобы подносить добычу было недалеко, племя встретилось с другим племенем людей снипс. Но и до соединения с ним в поле зрения наших охотников оказывались охотники племени пливс. Люди разных ветвей не конфликтовали на охоте. Добычи было достаточно для всех. Люди просто соблюдали негласные границы, на которых им не мешали и они сами не препятствовали другим добывать пропитание. Денисовцы и алтайские неандертальцы, живя рядом, нередко встречались на охоте. Жители этой пещеры знали и о людях снипс, живущих в далёких пещерах. Возможно, что и в той, которая ныне зовётся Денисовой. Реки, холмистая лесостепь,

предгорья, поросшие почти сплошными лесами, и всё, что там водилось, были ничьими. Охотиться, собирать съестное с деревьев, кустарника, из земли и воды не воспрещалось никому. Неписанным правилом для всех был делёж добычи при совместной охоте. Если оказывалось, что одна группа охотников загоняла зверей, а другая оказывалась добытчиком, то трофеи делились поровну, независимо от численности охотников в группах. Если неудачливые охотники встречались с группой, у которой был богатый трофей, то расходились с миром без дележа и захвата.

Так повелось со времён встреч прадедов тех и других и даже раньше на много тысячелетий. Всё это время люди разных ветвей человечества контактировали, общались. Было бы удивительно, если бы представитель рода снипс не понимал человека пливс или наоборот. В большинстве случаев именно непонимание приводит к стычкам. Вражда, народы могли бы истребить друг друга. Мирное сосуществование позволяло и тем, и другим безбоязненно удаляться от стоянки на пару дней пути. Вскоре сообщество охотников пополнилось третьим племенем людей снипс. Увеличилось и число охотников людей пливс. Но добычи хватало всем, включая и хищников. Люди снипс, охотясь своими коллективами, устанавливали юрты рядом, образуя большие кочевые селения. Добывая маралов и кабаргу, люди снипс мечтали совместными усилиями одолеть носорога.

Бахро не признавал каменный наконечник копья. Уже несколько миграционных походов он пользовался копьём с костяным наконечником. Когда-то он сколол часть большой берцовой кости сохатого с одной стороны и камнем обровнял с другой. Камнем же, но уже другим, обработал полость кости. После обжига конца древка копья Бахро насадил на него костяной наконечник. Кость, острая в местах сколов, при ударе копья неоднократно легко прорезала шкуру даже дикой лошади и сохатого.

И в эту миграцию животных Бахро охотился со своим проверенным в деле оружием. По общему решению всех

трёх вождей, именно ему предстояло ослепить носорога. Другой, уже рядовой, охотник должен был копьём с каменным наконечником пустить кровь из ноздрей сильного животного, чтобы лишить его обоняния. Остальным предстояло копьями и каменными топорами нанести носорогу как можно больше ран. Только истекая кровью, гигант перестал бы сопротивляться. Прежний, состарившийся, вождь остался охранять юрты. К сожалению, только там он мог дать дельный совет нынешнему, Бахро, если что-то пошло бы не так, как надо.

Огромная толпа охотников без проблем окружила спокойно лежащее животное. Огуп — большой шерстистый носорог — не обращал внимания на людей. Главный напарник встал чуть левее Бахро, и они вместе приступили к выполнению своих обязанностей. Огромное животное, только что казавшееся воплощением наивысшего спокойствия, лишённое зрения и обоняния, с диким рёвом вскочило с лёжки и напролом понеслось неведь куда.

Несколько охотников с каменными топорами, напоминающими современные колуны, успели вскочить на спину и, удерживаясь за шерсть, стали наносить удар за ударом. Озверевший гигант, не ощущая препятствий, напролом понёсся куда-то вперёд. Потом, несмотря на кажущуюся неповоротливость, повернул так резко, что «наездники» едва удержались на мохнатой спине. Они продолжали наносить удар за ударом, едва прорубая толстую и прочную, как щит, шкуру своей жертвы. Один «наездник» успел отрубить одно ухо и с усердием пытался лишить животное второго. Уши — одни из наиболее уязвимых мест этого «бронированного» реликтового гиганта. К тому же там можно перерубить крупные артерии, ускорив кровопотерю. Сам Бахро успел нанести удар по второму глазу, но не увернулся от вскочившего разъярённого животного. В агонии гигант и не почувствовал, что всем своим трёхтонным весом наступил на живое существо. Кровь хлынула не только изо рта и носа вождя, но и из ушей. Едва успевая сглатывать наполняющую рот вязкую сладковатую жидкость, первооснову

жизни высших существ, он успел выдать из себя единственное слово:

— Свуно.

Да, Бахро сказал не «Свуно», как звался один из лучших охотников, а «Свуро». Звук «р» мог присутствовать только в именах вождей племени. Так он дал знать о передаче своих полномочий и в корне пресёк возможную тяжбу соплеменников за обладание титулом вождя. И раньше Бахро часто назначал Свуно предводителем группы охотников, когда обстоятельства заставляли промышлять на нескольких участках обширных охотничьих территорий одновременно. Не всегда можно было рассчитывать добыть пропитание наверняка и где-то в одном месте. Этот находчивый добытчик умело организовывал соплеменников, когда охотились на крупное травоядное: лошадь, сохатого, марала, — или если приходилось выбивать нескольких хищников из многочисленной волчьей стаи. Был Свуно не менее удачливым в нечастых сражениях с людьми пливс. Не прячась за чьи-то спины, он умудрялся не получить ни одного, даже лёгкого, ранения. Но шрамы, оставленные когтями и клыками животных на охоте, не миновали и его.

Общими слаженными усилиями с носорогом справились. Отбиваясь от полчищ волков и гиен, почувствовавших предстоящий дармовой пир, охотники унесли к стоянке столько мяса, сколько было им по силам. Сладкие внутренности — печень, не имеющую желчного пузыря, и прочее — не оставили хищникам, взяли в первую очередь. Но более полутонны, а это не только шкура и кости, но и мягкое парное мясо, в драках остались делить хищники. По очереди несли обезображенное тяжеловесом тело Бахро. У реки его усадили с подогнутыми к груди коленями спиной к дереву. К туловищу приставили обломок копья. Попытка снять с древка костяной наконечник оказалась безрезультатной. Кость словно приросла к дереву копья. Чтобы тело охотника досталось рыр, а не гиенам, его заложили наиболее крупными камнями. Запах

разлагающегося трупа почувствуют и гиены, и рыр, но разобрать примитивный склеп было по силам только рыр. Тигров и волков мертвечина не привлекала. Особенно в сезон изобилия пищи.

И вот, в двадцать пять зим от роду, когда огуп забрал жизнь Бахро, Свуро стал вождём племени. На нём ответственность за сытость, благодушие и уверенность соплеменников в завтрашнем дне. Никто не пытался предположить, что будет с ним или с племенем после рождения новой луны, но очередное завтра интересовало всех взрослых. Свой вывод после превращения Свуно в Свуро сделала Сонх. Не без хвастовства она сообщила Кукто:

— Теперь только попробуй тронуть Зоуло. Он стал сыном вождя.

— Ну и подумаешь. Нашла причину. Если Свуно не бегал за нами раньше, то и теперь Свуро не побежит наказывать нас. Вождь ведь, а не просто отец. По статусу не полагается, — с издёвкой в голосе сообщил девочке нагловатый мальчишка.

К своему сожалению, Сонх признала, что Кукто прав.